

Игорь Кочкин

НИКТО, НЕКТО И ВСЁ

(Забавный черновик)

Игорь Кочкин

**Никто, Некто и Всё.
Забавный черновик**

«Издательские решения»

Кочкин И.

Никто, Некто и Всё. Забавный черновик / И. Кочкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934350-5

Пресс-конференция с Beatles в Мюнхене, 1966 год. Репортер: «Вы упоминаете Бетховена в одной из своих песен. Что вы о нем думаете?» Ринго: «Он — классный. Особенно его стихи!..»ОДНАКО: эта книжка не только об утончённо-изысканной поэзии Моцарта и Сальери, которой очарованы все эстеты мира. И не только о битломании в Советском Союзе. И не только об Алма-Ате — городе, которого давно нет на картах. Если без шуток — она о шотландском Пушкине. Проверьте это сами.

ISBN 978-5-44-934350-5

© Кочкин И.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Никто, Некто и Всё Забавный черновик

Игорь Кочкин

© Игорь Кочкин, 2018

ISBN 978-5-4493-4350-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Предполагаю очевидное недоумение Читателя (если таковой, вопреки всем технократическим напастям XXI века, образуется!), который с понятным пристрастием непременно полюбопытствует: почему жанр «Н. Н. и В.» определён, как «черновик»? Почему не «роман», не «повесть» (или что-нибудь другое и привычное)? И почему «черновик» именно «забавный», а не курьёзный или какой-то иной (синонимов-то кругом изрядно, навалом, прорва)? Вопросы справедливые.

В 1978-ом, в несуществующем сегодня городе Алма-Ате¹, когда галопом были написаны «НИКТО, НЕКТО и ВСЁ», этот рабочий подзаголовок подразумевал, что рукопись – только скелет, который потом предполагается доработать, чтобы он оброс гармоничной мышечной тканью, и рукопись в окончательном варианте получила бы более совершенное физическое тело.

После 1978-го прошло *четыре десятилетия*. Однако ничего неросло.

До «забавного черновика» – по «забавному» стечению обстоятельств! – не дошли руки у автора. И рукопись благополучно пребывала все эти годы в анабиозе, затерявшись в моём архиве среди других бумаг, скопившихся в суете сует за это время.

Хотя... что есть эти сорок лет? (В сравнении, скажем, с продолжительностью жизни дуба², привычного земного нашего соседа.) Это ничто!.. Тем более в нашем случае, когда с 1990-х – за менее, чем три десятилетия! – отношение человечества к бумажным носителям информации изменилось кардинально. На 180 градусов.³

Исходя из этого, логичен следующий вполне справедливый вопрос: зачем людям нужны книжки – как некий пережиток прошлого! – когда есть интернет?

В качестве аргументации предложу простой, как три советских рубля, пример: застряли Вы, скажем, в автомобильной пробке, а Вам вдруг позарез – ну, мочи терпеть больше нет! – понадобилось «Государство» Платона или «Домик в Коломне» Пушкина – не проблема. Несколько привычных – на автомате! – манипуляций с мобильником и Вы уже слушаете (или – читаете) нужный текст.

А вот – для пущей убедительности! – ещё одна интересность, в стиле тех же «трёх рублей». На «Авито» мне на глаза попалось объявление: продам Библиотеку Всемирной Литературы, нечитанную, нецелованную, в суперобложке, как только что из типографии, 100 руб. (!?) за том. Не мог пройти мимо. Позвонил, чтобы поинтере-

---

¹ В 1993 г. после развала СССР была переименована в Алматы.

² 1500 лет.

³ Из категории современных анекдотов: миловидная девушка (женщина) предложила знакомому... переписываться с помощью настоящих бумажных писем: мол, романтично и всё такое... Он долго молчал, потом ответил: «Натаха!.. Ты – в тюрьме?...».

соваться, как далеко от меня находится БВЛ: может, съездить и купить в подарок для внуков? Мне ответили, что продавец готов сам доставить товар – был бы покупатель. Я сказал, что предложение заманчивое, издание великолепное, но надо... подумать. Мне настойчиво и с угрозой ответили, что торг уместен. Я поблагодарил... В течении следующей недели меня настырно атаковал продавец БВЛ: когда и куда, наконец, ему везти этот хлам, пока он не выкинул его в мусоропровод?.. Вот такая весёлая история!

Вероятно, сегодня не очень нужны старые бумажные книжки. Нет потребности в классическом чтении. Есть только редкие предложения на бесплатных досках, подобных «Авито», как сигналы SOS: помогите... избавиться от макулатуры!

Всего-то полвека назад люди пишущие и публикующиеся были читаемы в народе и, в пределах здравого смысла, почитаемы. Их количество нельзя было назвать тьмой. Сейчас пишущих во Всемирной паутине и публикующих себя сами – тьма. А почёта прежнего нет. Почему?

Если раскручивать тему дальше – напрашивается другой каверзный вопрос: а покажите мне сегодня те книжки, которые бы – как прежде! – передавали из рук в руки? На неделю, на день, на ночь? Их нет. Отсюда следует вывод, банальный (и до зевоты скучный): зачем тогда древние, из прошлого века рукописи превращать в книжки? Не-за-чем. Нет причин.

Безвыходных ситуаций, однако, не бывает. И я нашёл лучшее, по-моему, применение своему архиву. Суть его проста, как всё гениальное: когда в саду надо развести костер, чтобы сжечь сухие сучья и ветки, бумага, как нельзя, кстати. А наблюдать, как горят рукописи, зная, что рукописи не горят⁴, одно удовольствие. Алгоритм предания огню *негорящего* прост. Сначала – как получится, на удачу! – берётся охапка бумаги. Потом происходит беглое «знакомство» со знакомым: что же там попало в руки на этот раз? О, это любопытно, отмечаю я. «Любопытное» сопровождается душещипательным (шутка!) воспоминанием о времени и месте написания. Всё. Ритуал закончен. Слезного прощания не предусмотрено (рукописи не горят⁵!). А уж потом можно чиркать спичкой.

Когда в охапке оказалась «НИКТО, НЕКТО и ВСЁ», руки мои не поднялись развести рукописью костёр. Наоборот – захотелось, против обыкновения, очистить её от пыли, прогладить утюжком, пытящем на углях, помятые временем странички и даже, может быть – восстановить то, что было погрызано мышками, которые полакомились – странное дело! – самыми вкусными, на мой взгляд, кусками текста. Как они это различают, не ясно. На уровне интуиции, генетической памяти или по каким-то другим признакам?..

Дальнейшее выглядело так. Моя природная леность оказала мне добрую услугу. Я подумал: а смысл городить огород? Зачем привносить отсебятину через столько лет? Пусть написанное давным-давно выглядит сейчас в чём-то косо, а в чем-то криво, но пусть всё останется, как есть. И потом: содержание «забавного черновика» – где-то романтическое, а где-то наивное! – продиктовало особую его форму. Поэтому и было решено – перепечатать остатки сохранившегося текста и все дела.

Была ещё одна веская причина не трогать написанное сорок лет назад, чтобы ненароком не разрушить те тонкие и хрупкие конструкции прошлого, которые состо-

---

⁴ Подтверждение этому можно найти у М. Булгакова в «Мастере и Маргарите».

⁵ Точно не горят. Проверено автором. Поскольку, если некая комбинация мыслей улетела в Космос – при определённых условиях эти мысли, звено за звеном, не трудно вытащить обратно и превратить в привычные закорючки на бумаге.

ялись, как *реальность*. Товарищ жены по работе, живущий сегодня в Калгари, рассказал о своих впечатлениях после посещения Алма-Аты: несмотря на новомодные архитектурные изыски, которыми «преобразился» город, своё лицо, органичное и ни на что не похожее, он утратил. Прежней Алма-Аты больше нет. На ней, по его словам, печать типичного мамбетского аула с... неказахскими небоскрёбами и всеми признаками современной цивилизации (сотни тысяч иномарок, движущиеся по улицам и припаркованные на обочинах, соответственно – пробки в часы пик, всюду – куда не глянь! – магазины, магазины, магазины, всюду – реклама, реклама, реклама: все – продавцы, производителей – раз-два и обчёлся⁶...). Я про себя подумал: если бы кто-то по барской прихоти оплатил мне все накладные расходы (дорогу в Алма-Ату, гостиницу и прочее), я бы, не раздумывая, отказался отправиться в «прошлое», как это сделал товарищ жены. Пусть Алма-Ата для меня останется такой, какой она осталась в памяти.

Какие же сакральные – если таковые есть! – ценности, вокруг которых закручено повествование, кроются между строк в этом «забавном черновике»? «Как молоды мы были? Как искренне любили»?.. Как и чему учились (понемногу и как-нибудь)?.. Как в эйфории взросления, в эйфории познания себя и мира кутили по барам, забавно многомудрствуя вокруг вечных тем с бокалом «шампань-коблера» в руке?.. Как творили музыкальные гениальности «на коленке», подражая и не подражая Битлз?..

Другими словами: что в «НИКТО, НЕКТО и ВСЁ» есть такого разэтакого? Отвечаю. Главное – это ответ на вопрос: что есть будущее. И каким оно может стать, если произойдёт определённая трансформация настоящего, которая повлечёт за собой цепную реакцию изменений во взаимосвязанных между собой событиях.

Кроме уже сказанного, добавлю коротко, о чём ещё рукопись. (Одна из сверхзадач!) Она об эволюции и деградации человеческого Я. О том, кто есть НИКТО в этом мире, кто есть НЕКТО в этом мире и кто есть ВСЁ в этом мире (каждый в отдельности и все вместе, спаянные в целое!). О том, что есть *реальность* и что есть *иллюзия*.

По поводу слова «забавный». Оно знаковое. И характерное для НИКТО, одного из персонажей. Подробнее об этом читатель узнает, если осилит рукопись до конца.

И последнее. Кроме расстановки запятых, в тексте были сделаны некоторые новые ссылки, которые – по понятным причинам! – не могли быть внесены в 1978 году.

Вот и все мои старания и участие в *забавном черновике, который никогда не будет доработан до чистовика* (за исключением этого корявого предисловия).

Воронеж, 2018.

---

⁶ Большинство советских заводов и фабрик в Алма-Ате после провозглашения независимости Республики Казахстан были закрыты.

«Вы настоящий алма-атинец, ЕСЛИ: в любом, самом плоском городе мира легко разберётесь, где есть верх улицы, района, мегаполиса (относительно гор, как в Алма-Ате), а где – низ...» Из «Кодекса поведения алма-атинцев».

Часть первая

Посвящается Н. Я. и Е.Л.

...трое шестнадцатилетних мальчишек, еле-еле передвигая ноги, плелись гуськом по мрачному – до тошноты! – коридору административного здания товарной станции Алма-Аты-2 к окошку кассы, чтобы получить заработанные 150 рублей за разгрузку вагона со шпоном.

– Здесь явно пахнет мертвечиной. – Сказал один из них. – Какая здесь может быть мертвечина? – Сказал второй. – Если здесь ни души? – Значит, мертвечиной пахнет от нас. – Сказал третий. – Большие не от кого.

Логика была железной: если никого нет, значит, признаки разложения надо искать в самих себе...

Был первый вечерний час воскресенья, 26 октября 1975 года.

Если бы им, троим, утром сказал какой-нибудь умник, что за этот день они очистят железнодорожный вагон от шпона, они, вероятно, очень бы захотели в это поверить. Но, вряд ли, в это поверили бы. Между словами «поверить» и «сделать» зияла пропасть. Они эту пропасть перемахнули. Как перемахнули? Это вопрос из категории, «не имеющих ответа». Ответа ясного и простого.

Преодоление пропасти – однако! – не переполняло их особенной радостью. Большие их переполняло полное безразличие ко всему, что происходило, что происходит и что будет происходить вокруг: здесь, на товарной станции, куда их сегодня – почему-то! – занесло, а также в Алма-Ате, где находилась эта станция, а также на всей планете Земля, где маленькой точечкой обозначилась Алма-Ата, а также во всей Вселенной, где затерялась эта голубая планетка с названием Земля.

Они готовы были – тотчас же! – плюхнуться на махрово-пыльный бетонный пол этого длинного коридора, ведущего в никуда, и час, другой – а лучше – вечность! – отдохнуть. Было ощущение, что Земля (и, соответственно, Алма-Ата!) подверглась внезапной атаке. С применением фантастического оружия. Всему живому – смерть, а они, трое, в своих физических телах, остались – по нелепому недоразумению! – в целостности и сохранности.

Первого звали НИКТО. Второго – НЕКТО. Третьего – ВСЁ.

Летающие эхом, звуки, шаркающих по полу, бабмаков троих мальчишек больше походили на жуткий сон, чем на реальность.

– Здесь никого нет. – Сказал НЕКТО. С явными нотками раздражения, гнева и агрессии: страшный коктейль!

– А мы? – Сказал ВСЁ. В голосе – явные нотки сарказма: так и хочется расхохотаться.

– Мы здесь не в счёт. – Сказал НИКТО. В голосе – полное безразличие: какая разница, что было, что есть и что будет через мгновение или через минуту?

– Мы – трупы? – Сказал ВСЁ.

– Я – труп. – Сказал НЕКТО. – Это точно.

– Ты – труп? – Сказал НИКТО. – А я, по-твоему – кто? Труп, как и ты?

– Ты, как здесь ни крути, как был, так и остаешься быть прежним НИКТО. – Сказал НЕКТО.

– Оптимистичный ответ. – Сказал НИКТО. – Благодарю.

– Обращайтесь ещё. – Сказал НЕКТО.

– Всенепременно. Обязательно обращусь

– Хотел бы и я быть тем, кем есть НИКТО. – Сказал ВСЁ. – Однако, по всем признакам, я – ещё! – не труп, как НЕКТО. Но очень близок к тому, чтобы в него превратиться. И им стать.

– Оптимистичное признание. – Сказал НЕКТО.

– Да. – Сказал ВСЁ. – Как на духу.

Они по-прежнему гуськом, из последних сил, продвигались вперёд по коридору, тупо рассматривая таблички с надписями на дверях слева и справа.

– Ну, это на фиг. – Сказал ВСЁ. – Все эти мерзкие деньги. К свиньям собачим. Зачем трупам деньги?

– Ну, уж нет. – Сказал НЕКТО. – К каким это – свиньям собачим? Вот уж, сказанул, так сказанул: свинья у тебя оказалась в теле собаки? Или – собака в теле свиньи? Bravo... Не знаю, как кому, а мне – пусть даже и трупу! – деньги совсем не мешают.

– Ты, я вижу, очень умный? – Сказал НИКТО.

– Нет, я слишком умный. – Ответил НЕКТО.

– Очень хорошо. – Сказал ВСЁ. – Тогда: если ты – труп, то, как тебя может давить жаба?

– Это, вероятно, особая жаба. – Сказал НИКТО. – Трупная.

– Понимаю – понимаю: трупная жаба. – Сказал ВСЁ. – Хорошо. Лихо сказано. В самую точку.

– Сами вы – жабы. – Сказал НЕКТО

– А что? – Сказал ВСЁ. – Я тоже согласен побыть немного жабой. Только не трупной. Обстановка накалялась с каждой секундой. Силы были на исходе.

– Ну, да. – Сказал НИКТО. – Нам только и остаётся, как устроить маленький мордобойчик междусобойчик. В аккурат, под занавес. По всем законам жанра. Найдём главного виновника всех наших проблем и врежем ему по полной.

– А что? – Сказал ВСЁ. – Идея великолепная. Я, лично, за.

– Отличное завершение этого отличного дня. – Сказал НЕКТО. – Отличнее не придумать...

Они остолбенели, переглядываясь, когда, наконец, обнаружили искомо-заветную табличку «КАССА» над окошком с решёткой из арматурных прутьев, откуда доносились еле слышимые звуки присутствия там ещё кого-то, кроме них троих: значит, на Земле-матушке ещё кто-то выжил?

– Трупы потихоньку начинают сходить с ума. – Сказал НЕКТО. – Это точно.

– Придурок! – Сказал ВСЁ. – Как трупы могут сходить с ума? Они же – трупы...

Они уже не верили ни глазам своим, ни ушам своим. Если даже принять версию о выживших – то кто, какой-такой ненормальный может быть здесь, в кассе, в этот воскресный день и вечерний час, чтобы ожидать их, троих наглых юнцов, для вручения им (если ещё и не трупам, то, явно, существам, уже находящимся на зыбкой грани разложения!) вымученных несчастных денег? Никто! Это без сомнений. Это двести процентов из ста.

Нет – и не может быть! – здесь никакой «КАССЫ».

Нет – и не может быть! – здесь никаких посторонних звуков.

– Ау! Люди! – Сказал НИКТО. И шарахнул, что было сил, кулаком по решётке.

– Если они – люди. – Сказал ВСЁ. Флегматично

Окошко «КАССЫ» через паузу, равную вечности, отворилось и обнаружило недовольную – до безобразия! – женскую физиономию без явных национальных и возрастных признаков.

– Киборг. – Еле слышно сказал ВСЁ.

– Сам ты – киборг. – Сказал НЕКТО.

– Киборгша. – Сказал НИКТО.

– *Что-о-о?* – Прорычала Киборгша.
– *Где наши деньги?* – Сказал НИКТО с металлом робота в голосе: с подобными надо было говорить голосом подобных.

– *Где – где.* – Огрызнулась Киборгша. – *В Караганде!..*

Через паузу, опять равную вечности, она брезгливо швырнула в руки НИКТО платёжную ведомость:

– *Закорючку поставь против галочки, умник. Сумму – прописью.*

– *Двадцать?* – Сказал НЕКТО, не поверив глазам своим. Произнеся число «двадцать», он застыл с открытым ртом. Это состояние медики определили бы, как шок. Как запредельное психическое потрясение.

– *Нет, не двадцать.* – Сказал ВСЁ. – *Две-сти. Без одного нолика.*

Шутки шутками, однако, и он, так же, как и НЕКТО, тупо уставился в ведомость: что это? описка? кошмарный сон, который им привиделся наяву?

НИКТО взял, дрожащими, никак не желающими слушаться, пальцами, шариковую ручку и, пляшущим почерком, накарябал в платёжке: двадцать руб.

– *Подпись, умник!* – Рявкнула Киборгша.

НИКТО поставил подпись и сунул ведомость под решетку. Капельки пота образовались у него на лбу.

Киборгша в ответ кинула на алюминиевое блюдечко, прибитое гвоздём к подоконнику, две красных купюры с профилем вождя мирового пролетариата и захлопнула – что было сил, как это сделал чуть раньше НИКТО! – кассовое окно: всё, баста! не тот случай, чтобы устраивать здесь выяснения и мутный базар...

* * *

В ЗАБАВНОМ черновике и картинка должны быть ВЕСЁЛЫМИ.

(А как иначе иллюстрировать эпизод с КИБОРГШЕЙ? Никак.)

«Если мы можем сделать человека счастливее и веселее, нам следует это сделать в любом случае, просит он нас о том или нет». Г. Гессе.

До шпона – однако! – надо было ещё дожить.

Если исходной точкой считать 32 августа 1974-го, то доживать предполагалось одно лето и 55 дней.

(И, вообще, вполне вероятно – сложись что-то не так! – и разгрузка вагона с шпоном могла не состояться вовсе, не случись к ней необходимых предпосылок.

Не случилось бы *этих*, некоторых, причинно-следственных невероятностей и всё тут – никакого шпона не было бы. И ничего не попишешь.)

32 августа 1974-го (Запись первая⁷).

Школьный плац источал запах свежего асфальта.

Ещё вчера здесь, на улице Каблукова (чуть выше Плодика⁸), был пустырь. Сегодня, как в сказке, мгновенно, образовалась новая школа.

В точности, через дорогу от школы находились – очень нужные городу! – заведения: диспансер для психов, спецучреждение для малолеток-мальчиков, которых нельзя было посадить по уголовке в зону, и такое же спецучреждение для малолеток-девочек, чуть выше по Каблукова – дом престарелых.

*И вот построилась буквой **Н** новая школа и улица Каблукова в этом удивительном месте удивительно-непонятным образом гармонизировалась (или, может, наоборот, дегармонизировалась?). Был пустырь – вроде чего-то не хватало. Вырос типовой храм знаний – вроде стало хватать всего. Почти, как это случается на гениальных полотнах гениальных художников: нанесён последний удар кистью и всё встало на свои места.*

Почти, как у Малевича⁹...

Школе был присвоен номер 63.

(Позже НИКТО скажет:

– 63 – это три тройки: шестёрка – две тройки, плюс – тройка существующая, которая есть в номере нашей школы.

– А почему не девять единиц? – Скажет НЕКТО.

– Или – три в квадрате? – Скажет ВСЁ.

– Потому что на табличке золотом на чёрном фоне написано не школа №9, а школа №63. – Скажет Пат.)

Итак, на плацу с запахом свежееукатанного асфальта, перед новорождённой СШ №63 должна была состояться первая школьная линейка перед началом учебного года.

Пока она не началась, на плацу стоял галдёж ошарашенных школьников. Ещё немного и все они, переполненные неиссякаемой детско-юношеской энергией, хлынут внутрь храма знаний и усядутся за парты: не забавы для, постижения науки ради...

Он стоял в некотором отдалении от этого галдежа.

И, будто, ничего не замечал вокруг.

И, будто, ничего не видел.

Он стоял, словно Слепой (назовём пока его так).

Кроме этого странного Слепого, в толпе галдящих школьников выделялся другой мальчишка. Внешне он был точной копией Джона Леннона (очёчки, причёска, манера двигаться – всё, как у ливерпульской знаменитости! не хватало гитары, микрофона и обнажённой Йоко Оно рядом).

Он пристально наблюдал за Слепым: что же это за фрукт такой здесь объявился? Или, на самом деле, слепой, подумал он, или – тупой. После чего он склонился к версии смешанной,

---

⁷ Число «один» – символ Созидания, Творения. Означает движение от небытия к полноте. Это число Сварога. Svrga (санскрит) – небо. (В ведической традиции числа отражают состояние Вселенной, определяя отрезки развития какого-либо явления или события.)

⁸ Алма-атинский плодоконсервный комбинат.

⁹ Казимир Малевич (1879— 1935) – художник-авангардист, основоположник супрематизма. «В истории мирового искусства нет, наверное, картины с более *громкой* славой, чем „Чёрный квадрат“... нет артефакта, обладающего подобной *непреодолимой актуальностью*» (Такова оценка (!) одного из признанных авторитетов в области изобразительного искусства).

что Слепой – это тупой придурок. Или, наоборот – придурочный тупица (что звучало, по его представлению, более привлекательно, а, может, и правильнее). И сама эта замудрённая придумка ему очень понравилась. И как-то особенно согрела.

Почему согрела? И причём здесь тепло?

Гордыня и тщеславие в холоде и неуюте чахнут. А могут, вообще, дать дуба, склеить лапы, откинуть копыта, короче – сыграть в ящик.

Копия Леннона, неспеша – с издевательской ухмылкой на битловском лице! – подошла к Слепому.

Слепой, продолжая смотреть в никуда, хотел было монотонно произнести: «Ты -Леннон?». Но сказал – к собственному (и «ленноновскому» – тоже) удивлению! – другое:

– Ты – поляк?

– Поляк. – Точная копия одного из битлов вдруг стала меньше похожей на точную копию одного из битлов, поскольку от внезапного вопроса Слепого её (его) перекосило.

Теперь она, копия, обескураженно-ошалело рассматривала Слепого поверх своих стёкол с диоптриями: что же это шизоидная непонятка образовалась перед ним?

– Как узнал? – Сказала ливерпульская матрица с некоторой растерянностью в голосе, которую не удалось скрыть. И ей стало досадно за эту растерянность, за такой нелепый промах.

– Я жил в Польше. – Сказал Слепой. – Прибыл, можно сказать, напрямик из загранич. И сразу на бал.

Слово «из загранич» прозвучало – будто нарочно! – с насмешкой.

Копия Леннона насторожилась: что это опять за хихоньки, да хаханьки? что это за издевательские фортеля?

– Курица – не птица, Польша – не загранич? – В голосе битловской матрицы уже не было растерянности. В голосе был металл.

– Загранич. – Сказал Слепой безучастно. – Ещё какая загранич. Самая заграничная из всех загранич, вместе взятых.

– И что? Не приглянулась Польша? Не по вкусу пришлась?

– Почему? – Пауза. – Приглянулась. – Пауза. – Но больше по вкусу пришли польки.

Слово «польки» прозвучало без иронии.

Точную копию Леннона ещё больше переклинило:

– Польки? Причём здесь польки? – И опять в голосе – предательская растерянность.

– Они ничем не отличаются от наших девчонок. – Сказал Слепой.

– От славянок?

– Ну, да. Таких же, как Маруся Огонёк (Пола Ракса) из фильма «Cztery танкиста i pies»¹⁰. Образовалась пауза. Обоюдная.

Слепой продолжал смотреть в никуда.

Копия Леннона продолжала смотреть на Слепого, взвешивая все «за» и «против» их короткого диалога: этот, живший в Польше, в которой он, поляк, никогда не был – пристукнутый? или прикидывается пристукнутым? а, может, его пристукнуть, чтобы содержание стало соответствовать форме? и тогда он вернётся в настоящее школьного галдежа и перестанет витать где-то в облаках?

– Ты – кто? – Прозвучал вопрос, в котором теперь не было и тени растерянности. Тон стал твёрже твёрдого.

– Я – НИКТО. – Был молниеносный ответ.

– ...

¹⁰ Фильм «Четыре танкиста и собака», снятый в 1966—1970 годах, пользовался грандиозным успехом, как в Польше, так и в других странах советского блока.

– Я – НИКТО. – Повторил НИКТО. – А ты – кто?

– Тогда я – ПОЛЯК.

– Это никак не стыкуется: я – НИКТО, а ты – ПОЛЯК.

– Ладно, хватит здесь про стыковки и нестыковки. – Сказала битловская матрица раздражённо. – Тогда я, по-твоему, кто?

– Кто ты, чтобы стыковалось? – По-прежнему отрешённо сказал НИКТО: он был по-прежнему вот здесь рядом, во плоти, к которой можно прикоснуться, и – в то же время! – словно его здесь не было.

В тот момент хватило бы ещё одной-единственной искорки и произошла, наверное, маленькая драчка. Маленькая спонтанная потасовка, какая обычно случается среди старшекласников: кто-то должен доминировать, а кто-то – подчиниться доминированию.

Драчки не случилось.

– Да-да-да! – Торопливо и гневно согласилась копия Леннона. – Чтобы стыковалось!

– Если я – НИКТО, – сказал НИКТО, – то ты – НЕКТО.

Пауза.

– Лен-нон... – сказал НИКТО, – не может быть никем иным, как НЕКТО.

Пауза.

Было видно, как НЕКТО – в момент! – спёкся: потеплело в его глазах, во всём его облике не осталось больше и следа прежней воробьиной агрессивности.

– Леннон – это Леннон. – Сказал НИКТО. – Леннон – это НЕКТО. Логично?

– Логично. – Сказал НЕКТО.

– А звучит-то, как хорошо – НЕКТО...

Опять пауза.

Пока она длилась, НЕКТО показалось, что школьный галдёж стал теперь каким-то иным, нереальным: раньше он, НЕКТО, был неотделим от него, а сейчас галдёж воспринимался, как нечто, существующее параллельно с ним:

– А зачем ты стоял на отшибе от всех? – Сказал он.

– На отшибе? – Сказал НИКТО.

– Ну, да. На отшибе.

– А, может, на пришибе?

– Это как? – Сказал НЕКТО.

– Как пришибленный. – Сказал НИКТО.

– Как тот, которого из-за угла пустым мешком? – Радостно сказал НЕКТО. И тут же, с досадой, отметил: значит, НИКТО стоял и будто читал его мысли?

– Конечно. – Сказал НИКТО. – Пришибленный и должен стоять на отшибе.

– Да, верно. – НЕКТО почесал свою ленноновскую репу...

Вероятно, это означало согласие с невероятным для НЕКТО видением НИКТО о пришибленных и всех остальных в этом мире.

Вероятно, это означало согласие с видением НИКТО гармонии в этом мире. С видением, которое никак не стыковалась с общепринятыми представлениями об этом: не было бы НИКТО, который есть НИКТО – не было бы НЕКТО, который есть НЕКТО. Получалось, что НИКТО и НЕКТО – существа взаимосвязанные и взаимообусловленные.

Это не просто не стыковалось никак. Это вдребезги разбивала всё, о чём говорили все... О чём вещали-мусолили газеты, журналы, книги (те, которые были на слуху). О чём мусолили-вещали все радиоприёмники и телевизоры, как на советской стороне от железного занавеса, так и в зарубежно-капиталистическом раю...

«Чтобы из „ничего“ сотворить что-то, надо сначала сконструировать интригу...»

Неподалеку от НИКТО и НЕКТО были локаторы, в виде шевелящихся ушей.

Эти уши принадлежали крепкого телосложения мальчишке с улыбкой доброго самаритянина. Он услышал странный – непохожий ни на что! – разговор. И ему этот разговор чем-то приглянулся. Поэтому он сказал прямо:

– Если ты есть НИКТО, а ты – НЕКТО, можно я буду ВСЁ?

– Ну, да, – сказал НИКТО. – Это может как-то дополнить нас. И, может, даже уравновесить неуравновешиваемое.

– Неуравновешиваемое? – Поморщившись, переспросил НЕКТО.

– Да. – Сказал НИКТО. – Неуравновешиваемое.

– Уравновесить?.. Дополнить?.. – Сказал НЕКТО. – Какой-то ящик Пандоры, а не тема... Хе-хе!.. Интрига на интриге. И интригой погоняет.

– Не будет интриги – не родится на свет ничего живого. – Сказал НИКТО. – Никакой путной музыки и никакой путной книжки.

– Ага. Значит, мы будем заниматься уравновешиванием неуравновешиваемого? – Сказал НЕКТО. Раздражённо-агрессивно. – Весёлое занятие. – И сам не мог понять, почему он так сказал.

– Нет интриги – нет ничего. – Сказал НИКТО, по-прежнему глядя перед собой в никуда. – Чтобы из «ничего» сотворить что-то, надо сначала сконструировать интригу. Или, по крайней мере, попробовать сделать это.

НЕКТО в ответ хотел что-то сказать, но звуки предательски не артикулировались. Онемели вдруг – как назло! – голосовые связки, язык, губы.

Такая же реакция была и у ВСЁ. Он стоял с лицом человека, которого на мгновение выключили из жизни и он замер, словно статуя:

– Когда я ем – я глух и нем... – Невероятным усилием воли выдавил, наконец, он из себя.

После этого они втроём – одновременно, как по сценарию: наигранно и по-клоунски! – шумно рассмеялись. Чем привлекли внимание галдящего 9-б класса, в который они, все трое, были определены завучем новой СШ №63.

– А кто-нибудь мне подскажет, – обратился к свежееиспечённым одноклассникам ВСЁ, – какое сегодня будет число? А то мои золотые что-то заклинило. – Он на самом деле озадаченно смотрел на свои наручные часы, постукивая ногтём указательного пальца по стеклу: они будто перестали тикать, будто кто-то вручную остановил их, замер маятник, замер весь механизм, остановились стрелки на циферблате.

Потом ВСЁ поднял руку вверх, показывая всем свои заклинившие золотые.

Теперь весь 9-б стоял с перекошенными физиономиями от дерзко поставленного вопроса: школьная линейка всегда проходит в последний день лета – ясен пень: здесь никакие золотые

с бриллиантами часы не нужны. Чушь какую-то горюдит этот шут гороховый: время – оно и есть время. Мозги, верно, у него переключились, а не часы.

– Само собой: сегодня 32 августа. – Сказал негромко НИКТО. Очень негромко.

Тем не менее, все – весь класс! – услышали этот ответ. Перекошенные физиономии 9-б ещё больше, чем после вопроса ВСЁ, исказились в сторону аномалии. И общешкольный галдёж стал для них совсем неслышимым, как в немом кино: люди вокруг двигались, что-то делали, что-то говорили, а звуков не было.

Центром внимания девятиклашек стала эта странно-дикуватая троица: НИКТО, НЕКТО и ВСЁ.

– Да, сегодня 32 августа. – Повторил НИКТО. – Почему? Потому что 32-го не бывает. 32-го числа в календаре нет. Как и нет ничего, как всем кажется, что мы здесь наблюдаем.

– Интересный поворот. – Сказал вкрадчиво-издевательски НЕКТО. Как он не старался, как не хотел, но прозвучало это именно так, а не иначе: вкрадчиво-издевательски.

– И школы? – Сказал ВСЁ.

– И школы. – Сказал НИКТО.

– А что же всё-таки здесь есть? – Хихикнула какая-то из девчонок.

– Есть пустырь с разбросанными селом валунами и камнями. – Сказал НИКТО с прежним лицом пророка, провидца, прорицателя. – Больше ничего нет. – Ему в тот момент самому потребовались немалые усилия, чтобы не расхохотаться перед онемевшим классом. Но этого никто не заметил.

– А мы? – Сказал НЕКТО. – Как с нами быть?

– Мы есть. – Сказал НИКТО. – Пока есть...

Класс облежённо выдохнул.

– Мы есть, как некое недоразумение. – Продолжил НИКТО. – Как то, чего не должно быть. Как случайное вкрапление в реальность 31 августа по форме. Но не по несовместимому содержанию.

– Интересный поворот. – Сказал НЕКТО.

– Совместимость несовместимого какое даёт число? – Сказал НИКТО.

– Какое? – Сказал ВСЁ.

– Правильно. – Сказал НИКТО. – Ответ засчитывается, как правильный: 32-е...

9-б, с перекошенными физиономиями, стоял по-прежнему перекошенным.

– Или – 33. – Подвёл итог ВСЁ: потеху надо воспринимать, как потеху, а не стоять баранами с раскрытыми ртами. – Теперь всё понятно? – Он сиял своей неподражаемой ослепительной улыбкой, от которой становилось «всем светлей¹¹» и теплей.

Физиономии девятиклашек перестали быть перекошенными и стали изменяться в направлении к улыбке, подобной той, которая сияла на лице ВСЁ.

– А мне сдаётся, что среди нас есть один реальный придурок. – Сказал НЕКТО, как мог сказать только НЕКТО.

Галдёж, как по команде, опять прекратился. И установилась тишина, какая бывает в космосе, в абсолютном вакууме.

Кого он, НЕКТО, считал придурком: НИКТО, ВСЁ или кого-то из одноклассников?

Далее НЕКТО продолжил:

– А ещё мне сдаётся – все догадываются: кто есть этот придурок.

– Это является лишним аргументом, – негромко сказал НИКТО, – реальности такого феноменального явления, как совместимость несовместимого. А также ответом на вопрос: какое сегодня число – 31-е или 32-е.

– Или – 33-е. – Сказал ВСЁ.

¹¹ «От улыбки хмурый день светлей» – строчка из песни «Улыбка» В. Шаинского и М. Пляцковского.

После этого галдёж на плацу новой школы (которой не было!) возобновился с новой силой...

Таким образом, в летописи о «НИКТО, НЕКТО и ВСЁ» появилась первая запись: **32 августа 1974-го (1)**. Во второй записи летописи значилось:

ВСЁ – Ринго, НЕКТО – Джон, НИКТО – Джордж (2¹²).

Было бы странно, если бы после школьной линейки в тот день, 32 августа 1974-го, ничего больше не произошло. И подобной странности не случилось.

НИКТО, НЕКТО и ВСЁ условились продолжить – совместно-несовместимый! – диалог среди более приятных глазу декораций. Они заскочили домой, чтобы облачиться в нешкольную форму и выхлопотать у родителей карманные деньги. И через полчаса встретились на углу улиц Розыбакиева¹³ и Тимирязева, на той стороне, где была остановка троллейбусов в направлении к центру города.

На НЕКТО красовались очень модные расклешенные брюки темно-оливкового цвета и не менее модная приталенная оливкового цвета рубашка.

На НИКТО, конечно, были польские модности: джинсы «Одра» и простая белая, без рисунков и надписей, майка.

ВСЁ был одет в светлые хлопчатобумажные брюки и хлопчатобумажную рубашку такого же цвета. – Логичнее, – сказал НИКТО, – если бы моя одежда была на НЕКТО. Кто, в конце концов, среди нас поляк?

– Я – поляк. – Сказал НЕКТО.

ВСЁ презабавно повернул свою голову так, как это делают собаки, пребывая в состоянии крайнего удивления:

– Точно? – Сказал он.

НЕКТО хотел было набъичиться, но потом заставил себя расплыться в улыбке: на шутку надо реагировать шуткой. Если это шутка:

– Точнее некуда. – Сказал он.

– Тогда, – сказал ВСЁ, – хочешь-не хочешь, а тебе придётся перекинуться одежкой с НИКТО. Чтобы форма соответствовала содержанию.

– А меня пока что, – сказал НЕКТО твёрдо, – и моя одежда вполне устраивает.

– Иди ты? – Сказал ВСЁ. И опять уморительно изобразил собачье удивление.

– В натуре. – Сказал НЕКТО ещё твёрже.

– Хотелось бы поверить. – Продолжал подначивать ВСЁ. – Но верится с трудом.

---

¹² Число «два» – двойственность нашего мира. Свет и Тьма. Если 1— это небесное Созидание, то 2 (состоящее из 1+1, как зеркального отображения) – активизация Нижнего мира.

¹³ Улица Розыбакиева до 1974 года была 17-ой линией. Это название (17 линия) улица получила во времена, когда город назывался Верным.

Пола Ракса – польская актриса. Родилась 14 апреля 1941 года в городе Лида Гродненской области Белорусской ССР. После войны поселилась во вроцлавском посёлке Лесница.

НЕКТО перестал улыбаться. В отместку. Он, мол, тоже не лыком шит: выискались тут умники, выдали мы таких. Выдали и похлеще. И прокурорским тоном сказал:

– Ну, и каково же там, в Польше, в «самой заграничной из всех заграниц, вместе взятых»? Классно, наверное? Только про Полу Раксу больше втирать не надо. О ней мы уже слышали.

– В Польше? Это на твоей исторической родине? – Сказал ВСЁ. Он произнёс это ровно, с протокольным безразличием.

– Каково – на твоей, мы и так прекрасно знаем. – Парировал НЕКТО. И, взглянув на ВСЁ поверх очков, ухмыльнулся.

– Польша, как Польша. – Сказал НИКТО. В словах – ни эмоций, ничего.

Теперь НЕКТО и ВСЁ, вдвоём, с подозрением стали рассматривать НИКТО. Они видели перед собой забавную и, одновременно, дикую нелепость, не имеющую объяснений: такого не может быть, потому что такого не может быть никогда. Им было не понятно, почему не было восторга у НИКТО от пребывания по ту сторону железного занавеса (как это должно быть у всех). Правильнее было бы наоборот: беспредельные восхищения несоветским раем, где есть всё: джинсы, кока-кола, виски и эротика на страницах – доступных всем! – глянцевого журнала, а также – ослепительные и доступные девушки в реальной жизни. И где есть, в конце концов, живые «Битлз».

– И что? – Сказал НЕКТО. – Совсем никаких впечатлений?

– Ну, почему же? – Сказал НИКТО. – Никаких – масса. И каких – хоть отбавляй.

– Ладно. – Сказал ВСЁ. – А самое яркое из них – это какое?

– Самое яркое? – Переспросил НИКТО. И задумался так, словно ему сейчас предстояло изложить решение теоремы Пуанкаре. – Самое яркое, пожалуй... – это когда на поезде подъезжаешь к Бресту и начинаешь понимать, что скоро ты услышишь, как все кругом говорят по-русски¹⁴.

НЕКТО и ВСЁ продолжали рассматривать прибывшего из заграниц.

¹⁴ По мнению В. Даля правильнее писать слово «русский» с одной «с» (Руский человек... Руский мороз... Здесь руским духом пахнет... Руский ум... Руский Бог... Руское спасибо. Руская рубаха... Правда Руская; только Польша прозвала нас Россией, россиянами. Российскими, по правописанию латинскому, а мы переняли это, перенесли в кириллицу свою и пишем русский! (Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. С. Петербург, Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882, том четвертый, стр. 114.).

- И всё? – Сказал НЕКТО
- И всё. – Сказал НИКТО. – А что? Надо огласить весь список?
- Ну, хотя бы часть. – Сказал ВСЁ.
- Жвачка стоит 2 золотых, виниловый диск – 60.
- О-го-го! – Сказал ВСЁ. – Эдак и разориться можно.
- 15 золотых – это 1 рубль. – Сказал НИКТО. – Соответственно, 60 золотых – это 4 рубля.
- Всего-то? – НЕКТО почесал ленноновскую репу. – У тебя, видать, куча винила?
- Кучка. – Сказал НИКТО. – Из двух дисков – «Кристи» и «Тремолс». Плюс пара миньонов – «Облади-облада» и «Гёрлз».
- Богач! – Сказал ВСЁ.
- Не густо. – Сказал НЕКТО.
- Уж сколько есть. – Сказал НИКТО.
- Солнышко, однако. – Сказал ВСЁ. – Жарит по полной...

Солнце было в зените. И, действительно, припекало оно нещадно, по-настоящему, полетнему.

- Конечно, жарит. – Сказал НИКТО. – Потому что на дворе август. Ещё август. И потому что число сегодня – 32-е.
  - Даже не верится, – сказал НЕКТО, – что завтра – осень.
  - Осень будет завтра. – Сказал НИКТО. – И завтра будет всё другому.
  - А сегодня есть сегодня. – Сказал ВСЁ. – И пусть жара. Всё равно, сегодня – замечательно и хорошо.
  - Хорошо. – Сказал НЕКТО.
  - Замечательно. – Сказал НИКТО.
  - В теньке, однако, – сказал ВСЁ, – будет не менее замечательно и хорошо.
  - Резонно. – Сказал НЕКТО. – И – поскольку в ногах правды нет! – не помешало бы присесть.
  - Точно, не помешало бы. – Сказал ВСЁ.
- На остановке была деревянная скамеечка под навесом в окружении боярышника. Они, втроём, вальяжно расположились на ней...

Здесь можно было бы всю оставшуюся жизнь сидеть и сидеть, глаза по сторонам. И никуда не ехать. Зачем куда-то ехать и мчаться, когда так спокойно никуда не ехать и не мчаться? А голод можно утолить тем же боярышником. Жажду – водой из арка, который был тут же, рядом.

- Мы, кроме одежды, не устранили ещё одну очень важную нестыковочку. – Сказал ВСЁ. – До сих пор.
- До сих? – Сказал НЕКТО.
- До самых сих. – Сказал ВСЁ.
- И что же нам мешает это сделать? – Еле заметная издёвка услышалась в словах матрицы Леннона.
- Может, звёзды как-то не так выстроились? – Сказал НИКТО.
- Ага. – Сказал ВСЁ. – Клеши НЕКТО.
- Чем же помешали тебе мои клеши? – Огрызнулся НЕКТО.
- Всем. – Сказал ВСЁ. – НЕКТО – так получается! – у нас кто? – Пауза. – Леннон. – Пауза. – Так? Так. – Пауза. – А мы – кто? – Пауза. – А я – кто?
- А ты – кто? – Сказал НИКТО

– Я?.. – *ВСЁ* немного поразмыслил. – Я буду Ринго. Если никто не против.
– Я не против. – Сказал *НЕКТО*.

«Музыка не была для нас работой. Мы стали музыкантами как раз для того, чтобы не работать». Пол Маккартни.

– О! Так вы, оказывается, решили поиграть в игру под названием «Битлз»? – Сказал *НИКТО*.

– Решили. – Сказал *ВСЁ*. – В соответствии со сложившимися обстоятельствами.

– «Нет ничего более умного, чем заставить колёса собственного ума вращаться вместе с колесом фортуны»¹⁵? – Сказал *НИКТО*.

– Именно. – Сказал *НЕКТО*.

– Среди нас уже есть Леннон? – Спросил *ВСЁ*. И сам ответил. – Есть. Значит, следует обозначить и других битлов.

– Логично. – Сказал *НИКТО*.

– Логично. – Сказал *НЕКТО*, улыбаясь. – Логичнее некуда. – Он уже пробовал наигрывать битловские мелодии. И не только битловские. И такие партнёры, как Маккартни, Харрисон и Ринго Старр ему были нужны позарез. Прямо сейчас. А лучшие бы вчера. Вчера их не было.

– Все предпосылки для битловского старта у нас в наличии. – Сказал *ВСЁ*. —Музыкальным образованием мы обременены? Нет, не обременены. Это не первое совпадение с битлами. И не последнее. Желание покорить весь мир у нас есть? Есть. И через край.

– И всех девчонок? – Поинтересовался *НИКТО*.

– И всех девчонок. – Согласился *ВСЁ*. – Конечно, всех. Итак: чего нам ещё не хватает?

– Нам не хватает четвёртого в компании. – Сказал *НЕКТО*. – Не то весь проект – коту под хвост.

– Это тебя под хвост. – Сказал *ВСЁ*. – Обойдёмся без четвёртого.

– Ну, это не серьёзно. – Сказал *НЕКТО*. – Битлы – квартет. А мы должны обойтись без четвертого? Это не серьёзно.

– Не серьёзно застрять на этой скамейке навсегда. – Сказал *ВСЁ*. – Вот это точно будет не серьёзно...

Журчание воды в арыке убаюкивало и располагало к благостной дремоте в тени навеса.

– А здесь хорошо. – Сказал *НЕКТО* мечтательно. – Сиди себе и сиди. И глазей по сторонам. Вон, какая красоточка продефилировала по тротуару в сторону ВДНХ: у-ух!

– Ну, уж нет. – Сказал *ВСЁ*. – Так не пойдёт. Двигаемся дальше.

– Движение – это жизнь. – Сказал *НИКТО*. – Остановка – смерть.

¹⁵ Высказывание Ф. Бэкона (1561 – 1626), английского философа, историка.

– Именно. – Сказал ВСЁ.
– Твои предложения. – Сказал НЕКТО. – Только давай, чтобы были не в бровь.
– В глаз, так в глаз. – Сказал ВСЁ. – НИКТО – увы! – выбирать не приходится. Он будет на базе. Как нам без баса? Выходит, он будет Маккартни.
– Маккартни? – Сказал НИКТО.
– Маккартни. – Сказал НЕКТО.
– Нет. – Сказал НИКТО. Твёрдо. – Я буду Харрисоном, который будет играть на базе.
– Ну, это не серьёзно. – Сказал НЕКТО. – Сначала из битлов мы сделали трио. Потом за бас усадили Харрисона. Нас тухлыми яйцами закидают. Это курам на смех.
– На смех? – Сказал ВСЁ. – Не серьёзно будет, если тебя разжалуют из Леннонов.
– Кто разжалует? – Поинтересовался НЕКТО. – Конь в пальто. – Сказал ВСЁ...

Итак, Харрисон – самый тихий из битлов, рассуждали они. На самом деле, может ли Харрисон быть на базе – это разве правильно?

Это стало предметом тщательного анализа НИКТО, НЕКТО и ВСЁ. Здесь, по их мнению, нельзя было промахнуться: изначально повреждённая матрица ничего хорошего не сулит! Получается, что НИКТО категорически против быть Маккартни. Причина? Маккартни стоит на одной ступеньке с Ленноном и никак не может быть НИКТО. Он, скорее – НЕКТО, как и Леннон. Верно? Ну, куда уж вернее. И в данном, конкретном их случае правильнее – в отличие от битлов! – что у них будет один НЕКТО, один лидер, а не два, как у ливерпульского квартета.

С Джоном и Полом разобрались.

Теперь надо было разобраться с Харрисоном. Он, в их звёздной битловской компашке, которая формально – для всех! – была в стильных костюмчиках и привлекательном имидже, а неформально, за кулисами гастролей – вела беспорядочную жизнь, пресыщенную чёрте чем, всегда был в тени. Харрисон вроде и был, и его вроде и не было. Он не выпячивался. И никто его не выпячивал. Значит, в сравнении с Ленноном и Маккартни, он и есть ни кто иной, как НИКТО. Здесь семи пядей во лбу иметь не надо, чтобы это – явное и очевидное! – увидеть.

Значит, противоречий здесь нет, решили они единогласно: НИКТО будет Харрисоном...

Халык пен партия біртутас! (Народ и партия едины! (каз.)

– Конечно, противоречий здесь нет никаких. – Сказал НИКТО – Потому что все сценарии будущего уже написаны.

– Все? – Сказал НЕКТО с беспокойством. – Ошибки здесь точно нет? А поправки на погрешность?

– Ошибки нет. – Сказал НИКТО. – И поправки учтены. Успокойся.

– И в этих сценариях есть мы? – НЕКТО замолчал, размышляя. – И есть сценарий для каждого из нас?

– Есть. Что в этом тебя так смущает?

– Наоборот – не смущает. – Сказал НЕКТО. Без тени растерянности. – Меня это очень даже устраивает. А сценарии для всего человечества? Они что? Тоже расписаны? От А до Я?

– Тоже. – Сказал НИКТО. – Сценарии расписаны...

СЦЕНАРИИ РАСПИСАНЫ, КАК ДЛЯ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ЦЕЛОМ, ТАК И ДЛЯ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА В ОТДЕЛЬНОСТИ.

– Например, сценарий для НЕКТО был расписан практически в тот момент, – сказал НИКТО, – когда он впервые заорал на весь родильный зал.

– Точно? – Сказал ВСЁ.

– Точнее и быть не может. – Сказал НИКТО. – Далее?

– Далее. – Сказал НЕКТО оживлённо. – Конечно, далее. – И, спохватившись, добавил. – А что может быть далее?

– А далее начинается самое интересное. – Сказал НИКТО.

– Что? – Сказал ВСЁ. Сказал озадаченно. – Раз всё определено?

– Далее встает вопрос: а разве не могут эти сценарии быть искажены? Или исковерканы? Или изменены со знаком минус?

– Кем это? – Сказал НЕКТО. Невозмутимо. – Нами? Кем-то другим? Злодеями? Обстоятельствами?.. Получается, что не могут. Ты же сам сказал, что всё уже зафиксировано. От А до Я.

– Что написано колом – не вырубить топором. – Сказал ВСЁ. – Народная мудрость.

– Нет, могут. – Сказал НИКТО. – И не только искажены. А искромсаны в хлам.

– В хлам? – Сказал НЕКТО. С возмущением. – Нет, я не согласен. Это как же? Несмотря на уже написанное?

– Ну, да. Несмотря на уже написанное. Или, говоря другими словами – и пользуясь хarrisоновской терминологией! – сведены к викарме.

– Что же это за страшилка такая ненашенская – викарма? – Сказал раздражённо НЕКТО. – Проще – никак?

– Куда уж проще? – Сказал НИКТО. – Викарма – никакая это не страшилка, а понятие вполне нашенское, если оно хarrisоновское. Викарма – это проще пареной репы...

ВИКАРМА – ЭТО РАЗРУШЕНИЕ ПРЕДНАЧЕРТАННОГО.

– Да уж: куда проще. – Сказал НЕКТО. – Проще некуда.

– Издеваешься? – Сказал ВСЁ. Свирепо. – И ты туда же? Какой – однако! – ещё один изоциранный издевательщик нашёлся.

– Да, какой я изоциранный? – С ухмылкой произнёс НЕКТО. – Я ж в заграничах не жила и сокровенных манускриптов, как НИКТО, не читывал. С меня и взятки гладки: так, погулять вышел.

– Смотри, простодушный гуляка. – Сказал ВСЁ. – Не въехать бы тебе, гуляючи, в косяк.

– Да уж, теперь буду стараться, что есть мочи. – НЕКТО изобразил смиренный вид грешника, кающегося перед строгим священником, посредником Божиим. – Чтобы больше не огорчать нашего НИКТО. Не омрачать его... слух! Я, ничтоже сумняшеся, послушно извиняюсь: «викарма – это проще пареной репы, это разрушение предначертанного». Всё ясно: хренакс и всё предначертанное раздербанено в хлам. Что здесь непонятного?

– Вот это – другое дело. – Сказал НИКТО. – Итак, на чём мы застряли? На викарме. Викарма – это когда человек, вместо того, чтобы тупо делать то, что ему следует, как в паранойе, начинает крушить всё и вся, впадая в тамас¹⁶.

– Во что? – Спросил НЕКТО.

– В полное невежество.

– В полное – преполное? – Спросил ВСЁ.

– В полнейшее. – Сказал НИКТО.

НЕКТО ничего не сказал.

– Желаете наглядный пример викармы? – Сказал НИКТО.

– Да уж хотелось бы. – Сказал ВСЁ.

– Пожалуйста. – Сказал НИКТО. – Вот вам пример, который мы уже обсосали со всех сторон: когда меня, НИКТО, хотели сделать Маккартни. Это и является разрушением предначертанного. Нельзя НИКТО превратить в НЕКТО, которым является Пол (как, собственно, и Джон). Это и есть полный абсурд. НИКТО – это Харрисон и только Харрисон.

– Логика железная. – Сказал НЕКТО. – Согласен. Харрисон – это НИКТО.

– Очень и очень хорошо. – Сказал ВСЁ. С облегчением. – С викармой, наконец-то, покончено. Против ветра не плюем и на грабли не наступаем. А теперь – пожалуйста! – попрошу-ка я, чтобы НИКТО поподробнее растолковал нам об обратной трансформации: что надо сделать, ЧТОБЫ БУДУЩЕЕ ИЗМЕНИТЬ В СТОРОНУ УЛУЧШЕНИЯ ПРЕДНАЧЕРТАННОГО. Такой приятный сюрприз – в харрисоновской парадигме! – предусматривается? Или нет? А то – всё по башке, да по башке.

– На фига тебе это? – Сказал НЕКТО. – Уже во всём разобрались. Может, хватит разборок? И так голова кругом идёт.

– Как на фига? – Возмутился ВСЁ. – Если имеет место быть разрушение предначертанного, значит, должна быть измененная предначертанного со знаком плюс. К звёздам. Citius, altius, fortius!

– В сторону акармы? – Сказал НИКТО. – Почему бы и нет? Это возможно...

ЕСЛИ ЕСТЬ РАЗРУШЕНИЕ, ЗНАЧИТ, ДОЛЖНО БЫТЬ И СОЗИДАНИЕ. ВСЁ В СООТВЕТСТВИИ С КОСМИЧЕСКИМИ ЗАКОНАМИ.

– И что же это за новая страшилка-то такая – акарма? – Сказал НЕКТО устало. – Очень хотелось бы просветиться.

– Акарма – опять же, по харрисоновской терминологии! – это деятельность, выводящая нас из под влияния законов причинно-следственных связей, благодаря которой каждый может полностью освободиться от всех своих косяков за одну жизнь.

– Ну, это вряд ли. – Сказал НЕКТО. Сказал с облегчением. – Нам это не грозит.

– Вам? – Сказал ВСЁ.

– Ну, мне. – Сказал НЕКТО. – А тебе, думаешь, грозит? Экий самонадеянный нашёлся.

– Не знаю. – Сказал ВСЁ. – Может, мне и не грозит. А вдруг – грозит? Чем чёрт не шутит?

– Ладно. – Сказал НЕКТО утомлённо. – А хотим ли мы этого? Ну, этой акармы? Ну, допустим, что хотим. Вопрос: как это сделать?

– Так вот и познаётся: кто есть кто. – Подлил масла в огонь ВСЁ. – Кто – так, погулять вышел. А кто – ну, очень умный. Умнее всех.

¹⁶ Тамас (санскрит) – деятельность, направленная на разрушение.

– Я что должен сделать? – Сказал НИКТО. – Представить подробный план, как запустить процесс акармы? И не только запустить, а как – пошагово! – это осуществить: сегодня – делаешь одно, через год – другое и так далее?

– Ну, да...

* * *

За Родину, за Сталина! Победа будет за нами!

От журчания воды в арыке создавалась иллюзия прохлады. И комфорта.

НЕКТО и ВСЁ испытывающе смотрели на НИКТО, сидящего рядом с ними на скамейке троллейбусной остановки. И ждали харрисоновского ответа.

НИКТО ничего на этот счёт не сказал.

Он сам толком не знает, что и как, подумал НЕКТО. Зато напустить тумана таинственности – горазд, ох, горазд!

Не последний день живём, подумал ВСЁ. Раскусим мы ещё эту акарму, никуда она от нас не денется...

– А знаете, что подумал бы нормальный человек, если бы услышал, о чём мы здесь толкуем? – Сказал с задумчивостью НЕКТО. Задумчивость была наигранной. И нескрываемой.

– И что же? – Свирепо, по-шутовски, ВСЁ повернулся к НЕКТО. – Интересненько.

– Он бы подумал: сидят здесь, вот на этой скамеечке, три идиота и, используя клоуновски-идиотскую терминологию (пусть даже схожую с терминологией Харрисона, о чём, я так понимаю, НИКТО лекции нам может читать часами), занимаются любимым делом умалишенных – распределением своих ролей поведения в дурдоме. И в каком же это дурдоме? В дурдоме их настоящего и в дурдоме их будущего. Будущего! И не только своего дурдомовского будущего.

– А какого ещё? – Сказал ВСЁ.

– Глобального. Всего человечества! Не круто ли мы завалили итурвал? В итупор не уйдём?

– В итупоре тот самый «нормальный человек», который рассуждает так, как он сейчас рассуждает. – Сказал НИКТО.

– Ты намекаешь на меня? – Сказал НЕКТО. – Ну, признайся честно: не выглядим ли мы на самом деле дебилами, ведя эти шуры-муры: карма – акарма – викарма.

– А как могут выглядеть настоящие идиоты? – Сказал ВСЁ задорно. – Только по-идиотски.

– Тоже верно, – согласился НЕКТО.

– Решение уже принято: ВСЁ – Ринго, НЕКТО – Джон, НИКТО – Джордж. В том числе, и тобой. И оно вступило в законную силу. Значит, ты сейчас сделал что? Плюнул против ветра.

– Опять оскорбления? – Удручённо сказал НЕКТО.

– Никаких оскорблений. Остынь. И принимайся за дело.

– Ладно, – согласился НЕКТО. – За дело, так за дело. – Отступить некуда, подумал он. Не плевать же против ветра?..

К остановке подкатил троллейбус. Лязгнули открывшиеся двери. Водитель посмотрел на троих мальчишек, не двинувшихся с места. Лязгнули закрывшиеся двери. И троллейбус покатил дальше, по маршруту.

– А, может, хватит гадать на кофейной гуще? – Сказал НЕКТО. – Что плохого в том, что мы – НИКТО, НЕКТО и ВСЁ! – примем предначертанное, как данность: не вмешиваясь ни во что и не нарушая ничего? Ничего плохого. И тупо исполним это предначертанное. Без изысков! А то у меня от этих акарм и викарм уже мозги начинают плавиться и из ушей скоро пар пойдёт. Нам бы было достаточно малого – получить в распечатанном виде эти самые сценарии, которые написаны. Больше ничего не надо.

– Хотелось бы. – Сказал ВСЁ.

– А ВАМ ХОТЕЛОСЬ БЫ УЗНАТЬ СВОЙ СМЕРТНЫЙ ДЕНЬ И ЧАС? – Сказал НИКТО. – Уж это точно в сценариях есть.

– Мне? – Сказал ВСЁ. И задумался. – Да, что-то не очень.

– Боюсь, что мне тоже. – Сказал НЕКТО. В итоге все согласились с компромиссом, сформулированным НИКТО:

– Не буди лихо, пока оно тихо. Если мы по своей воле не въедем в конкретный косяк – коварное лихо не активизируется.

– О, я не хочу в косяк. – Сказал ВСЁ. И торжественно, как на партсобрании, объявил. – На этом сходка в честь рождения «НИКТО, НЕКТО и ВСЁ» закончена.

– Ура. – Сказал НЕКТО. – День рожденья – радостный день. Пусть исчезнет спор наших тень¹⁷...

* * *

---

¹⁷ Перефразированная строчка песни «Воскресенье – радостный день...» (Daniel Boone, Beautiful Sunday, 1972 г.).

Пресс-конференция с Beatles в Торонто, 1965 г. **Репортер:** Ринго, вы связаны с какой-нибудь политической силой? **Ринго:** Нет, я даже не курю.

В летописи о «НИКТО, НЕКТО и ВСЁ» появилась третья запись:

Про волшебную реальность (3¹⁸).

Оставалось дело за малым – начать производство шлягеров на все времена.

– Я готов. – Сказал ВСЁ.

– Я, в принципе, тоже. – Сказал НЕКТО. Скромно, как никогда.

– Let it be – неплохая песня. – Сказал НИКТО. – О чём это говорит?

– О чём? – Сказал ВСЁ.

– Если это сделали Битлз, значит, нечто подобное сможем сделать и мы. И не хуже.

Возможно, что и лучше.

– Спорно это. – Сказал НЕКТО. – Скорее – невозможно.

Несмотря на своё тайное творчество, он меньше других верил, что они, втроём, смогут завоевать мир: как это – из ничего сделать что-то? У них же нет ни шиша: ни инструментов, ни аппаратуры. Единственное, что у них есть – это серые совдеповские будни.

– Таких, как мы, в эс-эс-эс-эре – валом. И все хотят походить на битлов... – Сказал он грустно. – Очень, очень спорно всё это.

– Бесспорно. – Сказал ВСЁ. Решительно. – Все хотят – это да. Только не все могут.

– А мы типа такие-растакие-разъэтакие? – Сказал НЕКТО. Теперь без грусти. С напором. – Да?

– Мы – да.

– Мы? Не знаю. Спорно всё это.

– А как быть с волшебной реальностью? – Сказал НИКТО. – Её никто не отменял. Пока. Как не отменял сегодняшнее 32-е число.

– Вот это в десятку. – Сказал ВСЁ. – Я за волшебную реальность! Какова, кстати, её противоположность?

– Иллюзорная действительность. И 31 число в августе.

– Лихо-лихо. – ВСЁ разулыбался. – Действительность, погрязшая в иллюзиях! Мне нравится.

– Забавный поворот. – Сказал НЕКТО. Сказал мягко, но с чёткими нотками издёвки.

¹⁸ «Три» – первое из сакральных чисел в славянском ведизме. Это число Абсолюта-Первоначала, число Движения, число Развития. Число Триглава (Род Всевышний, Сварог, Лада). Число Вселенной, которая наполнена тремя состояниями Рода Всебога: создание, сохранение, разрушение. Число начального формирования идеи, явления, события.

– То, что ты появился на свет пятнадцать лет назад – тоже забавный поворот? – Сказал НИКТО. – Тогда кто тебе мешает позабавиться и родить забавного и милого детёныша в виде новой *Let it be*?

– Займёмся производством таких детей. – Сказал ВСЁ. – Я согласен.

– Забавно. – Сказал НЕКТО.

– Только такую забаву надо делать отлично. – Сказал НИКТО.

– Как? Поделись.

– Нет ни одного ребёнка, появившегося на свет, похожего на другого. Они все отличны.

Правильно?

– Правильно. – Сказал ВСЁ.

– Забавно. – Сказал НЕКТО. – И что?

– Значит, и твой песенный детёныш, по определению, не может быть похожим ни на что другое. Тогда и Леннон с Маккартни прослезятся, услышав твой шедевр.

– Ну, это вряд ли. – Сказал НЕКТО. – Хотя – забавно.

– Ещё как забавно. – Сказал НИКТО.

– Да, очень потешное лясоточение у нас получается. – Сказал НЕКТО. – Я понимаю – всё это шутки. Забавные получились шутки.

– Очень. – Сказал ВСЁ. – Нам шутки строить и жить помогают!

– Только, – сказал НИКТО, – в каждой шутке – лишь доля шутки...

* * *

«Если кто-нибудь скажет, что любовь и мир – это клише, которое ушло вместе с шестидесятыми, это будет его проблемой. Любовь и мир вечны.» Джон Леннон.

Мимо проносились и проносились легковушки, автобусы, грузовики

На деревянной скамеечке, в тени под навесом, можно было бы всю оставшуюся жизнь комфортно сидеть и сидеть. И никуда не ехать. Зачем куда-то ехать и мчаться, когда так спокойно никуда не ехать и не мчаться. И продолжать зубоскалить.

Пара троллейбусов, которые останавливались на ул. Розыбакиева, уехали по своим маршрутам без НИКТО, НЕКТО и ВСЁ.

– «Не во власти идущего давать направление стопам своим»¹⁹? – Сказал НИКТО.

– Во власти. – Сказал ВСЁ.

– И куда же мы их направим? – Спросил НЕКТО.

– В никуда. – Сказал НИКТО.

– Я думаю – нас ждёт захватывающее путешествие. – Сказал ВСЁ. Он сиял своей ослепительной улыбкой.

– И полное сюрпризов. – Сказал НЕКТО. – Неожиданных.

– Будет забавно. – Сказал НИКТО. – Я это обещаю.

¹⁹ Иеремия, 10:23.

– Я почему-то в этом не сомневаюсь. – Сказал ВСЁ. – Ни капельки.

К остановке подкатил троллейбус №11. Они втроём вошли через переднюю дверь, бросили двенадцать копеек в кассу, оторвали билетки, не стали устраиваться на свободных сиденьях, а прошли через весь троллейбус и расположились на задней площадке, где им было комфортно стоять, облокотившись о тёплый, нагретый солнцем, металлический поручень. Кроме них в салоне, ближе к водительской кабине, сидели только благообразного вида бабушки и дедушки: самый разгар дня – кому ещё было быть здесь?

Странно, подумал НИКТО, три месяца назад он на поезде «Легница – Москва» пересекал польско-советскую границу, подъезжая к Бресту, и было чудное ощущение счастья. Потом произошла следующая странность: из Европы он переместился напрямик в Азию. От поляков к казахам. Почти опять за границу. Но, утопающая в зелени садов, пирамидальных тополей и кустарников, Алма-Ата, не выглядела чуждой. Наоборот, она как раз выглядела городом руским. Без всяких там азиатских признаков. И было ощущение, что он здесь как будто уже бывал раньше: очередная волшебная необъяснимость? Немного, правда, шутейным, как в детской игре, казалось название города: Отец Яблок! Город Верный, как изначально его назвали – вот это звучало по-взрослому... А потом следующая странность: среди первых знакомств – НЕКТО, поляк...

НЕКТО – с непонятной ему самому осторожностью! – перебирал детали состоявшегося сумбурного разговора. С одной стороны, всё, что говорил НИКТО, выглядело симпатичным. И, вообще, НИКТО чем-то притягивал к себе. ВСЁ тоже выглядел не хуже, несмотря на его солдафонский юмор...

ВСЁ не думал ни о чём. Ему было просто комфортно быть вместе с НИКТО и НЕКТО:
– Ну, что? Будем играть в молчанку? – Сурово сказал он.

– Я могу рассказать о своих клешах, – сказал НЕКТО, – которые так заинтриговали всех.

– О клешах, так о клешах. – Сказал ВСЁ. – Давай. Разрешаю.

Оказалось, что модные клешки НЕКТО – это подарок с барского плеча его двоюродного брата Витольда, который старше его на семь лет. И Витольда он боготворит, конечно, не за эти подиумники, а за то, что он классный гитарист и что он в авторитете среди городских музыкантов, которые лабают в лучших ресторанах Алма-Аты. Сам Витольд играет в «Салюте», кафе САВО²⁰, что располагается на проспекте Абая, угол улицы Гагарина.

– Говорят, туда просто так не попадёшь. – Сказал НИКТО.

– Конечно! – Сказал НЕКТО. Ему уже не надо было заставлять себя улыбаться. Его улыбка была натуральной, невымученной. – Там анилаг даже в будни.

На ВДНХ троица мальчишек выскочила из троллейбуса, чтобы пересесть на другой троллейбус, №6, который шел вниз по улице Ауэзова, потом – направо по проспекту Абая, далее – до улицы Коммунистической и по нему – до конечной остановки на вокзале Алма-Аты-2. Они опять стояли на задней площадке и глазели по сторонам.

Когда троллейбус проехал по пр. Абая пересечение с улицей Гагарина, НЕКТО сказал:

– А вот и «Салют» Витольда.

С левой стороны проплыло мимо кафе «Салют».

– Его надо срочно переименовать, – сказал ВСЁ, – и назвать «САЛЮТ ВИТОЛЬДУ»!

²⁰ Среднеазиатский военный округ.

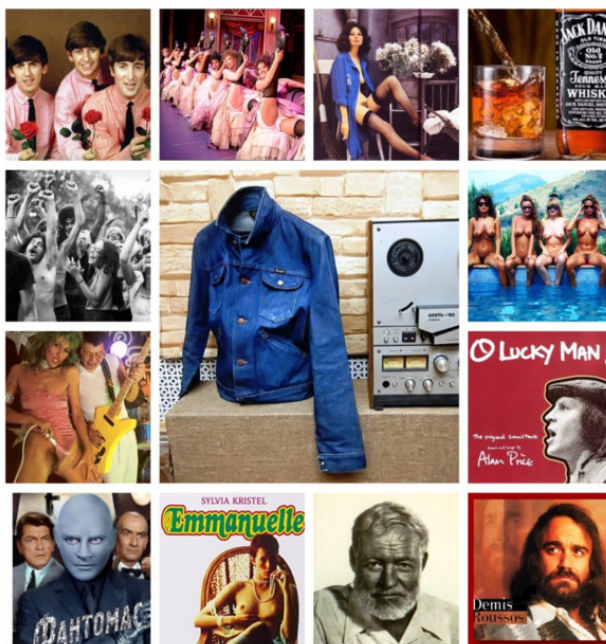
– А если по соплям? – Сказал НЕКТО. Его напрягла реплика ВСЁ. Будто было сказано что-то очень оскорбительное. Оскорбительное вообще, и оскорбительное в его адрес, в частности.

– А если шутку воспринимать, как шутку? – Сказал НИКТО.

– Вот именно. – Сказал ВСЁ

На остановке перед цирком, в простонародье именуемой, как «тёщин язык», друзья выжили, перебежали между машинами через проспект Абая и оказались в малепуьске-забега-ловке, где можно было купить стакан молочного коктейля за 10 копеек и румяный роголик за 5 копеек...

* * *

«НЕСОВЕТСКИЙ РАЙ». (По секрету всему свету: одно из 13 фото ключевое в дальнейших событиях – это КАНКАН: почему? ответ во второй части забавного черновика.)

В кафе «Салют» по вечерам собирались юнцы-мажоры с папиными деньгами в карманах, фанаты «Битлз», «Смоки», «Роллинг Стоунз», лейтенантики и не только, контингент к тридцати и за тридцать, бывали здесь и солидные чиновники, которые приходили сюда с молодыми любовницами, а также – торгаши и проститутки. Пару столиков обязательно занимали представители воровского мира Алма-Аты, поскольку и среди них были любители музыки загнивающего Запада, которая звучала по городу из каждого окна: «Пусть будет так», «Лестница в небо», Сувениры».

В кафешке САВО были престижная несоветская акустика и усилители, престижные несоветские инструменты у музыкантов. Пожалуй, лучше, чем в «Салюте», зарубежную музыку никто на тот момент в городе не играл. Музыканты, которые были родом из СССР, выглядели так, словно они переместились на сцену «Салюта» со страниц несоветских глянцевого журналов: в джинсовых костюмах с лейблами «Левис», «Ли», «Вранглер» и со всё прочем несоветском, вплоть до нижнего белья

Заведения моднее «Салюта» в 1974-ом году в Алма-Ате не было. Заказ песни стоил червонец, бывало – и больше. Завсегдатаи «Салюта» не бедствовали. А, значит, не бедствовали и музыканты «Салюта».

В 23.00 кафешка закрывалась.

Довольные пьяненькие и довольные полупьяненькие посетители недовольно покидали его: кто же это установил, что веселиться можно только до одиннадцати? Какая каналья это сделала? Почему не до утра? Почему, вообще, нельзя наслаждаться и наслаждаться без границ, как наслаждается все (кроме СССР)? Почему весь мир так сладко погрузился в сексуальную революцию, и хипповские парадигмы («Занимайтесь любовью, а не войной!», «Человек должен быть свободным», «Все, думающие иначе, заблуждаются» и пр.) стали нормой – поскольку были желаемыми и востребованными! – а советскому человеку эти нормы были не позволены? Почему?

Ближе к полуночи разъезжался по домам и персонал «Салюта», на скорую руку наведя относительный порядок в помещении. В это же время покидали кафе и музыканты, успев пропустить по рюмочке и честно разделив честно заработанное. Они вываливали всей гурьбой на пр. Абая и ловили попутки. Проезд в любой конец города стоил 1 рубль.

В ту – сенсационно-памятную для всех! – полночь «салютовцы» как-то удачно и быстро укатили восвояси на разных такси, а Витольду попутка всё не подвёртывалась и не подвёртывалась. Так он остался стоять один на обочине дороги, продолжая голосовать. Кругом – никого. В правой руке у него был кофр с «Гибсоном»²¹, с которым лучше было бы не отправляться домой в столь поздний час.

Здесь самое время рассказать о «тёщином языке», который вытянулся практически на всю длину пр. Абая, разделив его на две части: движение транспорта в одну сторону и движение в противоположную. Таким образом, «тёщин язык» находился ровно в середине самого длинного в городе проспекта. Где-то он был подстриженным газоном с клумбами, где-то – засаженным декоративным кустарником, а где-то – узким сквериком, где стояли скамеечки для отдыха под деревьями. В районе пр. Абая и ул. Гагарина был как раз такой скверик: уютно-зелёный и тихий. Здесь был и кустарник по обочинам дороги, и буйно разросшиеся деревья.

Витольд один простоял недолго. Высматривая такси, он не заметил, как сзади подошли двое и взяли его, в районе почек, на ножи.

– Давай-ка, касатик, поспеши. – Сказал один из них и указал, куда надо поспешить: на тихую и закрытую от посторонних глаз территорию «тёщиного языка».

Куда деваться? Деваться было некуда. Витольд послушно выполнил приказ: пересёк проезжую часть, нашёл прогал среди кустарника и скоро очутился в тени деревьев, которые образовывали туннель в середине «тёщиного языка».

Витольду не угрожали. Его не били. Он сам, молча, отдал «Гибсон», купленный накануне, почти за две тысячи рублей: всё ясно было без лишних слов – либо его почикают ножичками и заберут гитару, либо не почикают. С инструментом в любом случае можно попрощаться.

– А теперь – лопатник. – Сказал тот, что выглядел, как старший. – И прикид.

Витольд отдал портмоне, снял джинсовую куртку (300 рублей), джинсы (250 рублей), фирменную майку, гэдээровские туфли, оставшись в одних белых фирменных трусах и белых носках, но с часами на руке. Часы орёликам не приглянулись: зачем человека лишать такой дешёвки за десять рублей – они люди добрые, лишнего не берут.

– Пошёл вон. – Сказал тот, что помоложе.

Витольд, не произнеся ни слова, проследовал по обратному маршруту, на то место, где минутами раньше ловил попутку. И опять стал голосовать.

Машины пролетали мимо. Некоторые чуть притормаживали, вероятно, чтобы внимательнее рассмотреть редкого и оригинального клиента, после чего поддавали газку: или алкаш, или больной! и где он держит деньги – в трусах, по-видимому.

---

²¹ Электрогитара, производимая американской компанией. Считается одним из лучших инструментов. «Гибсон» предпочитали «Битлз», «Дип Пёпл», Эрик Клэптон и пр.

Витольду повезло, когда одно из зеленоглазых такси остановилось рядом с ним. Он, как можно спокойнее, сказал, что денег нет и что он расплатится – с обязательными чаевыми! – по прибытию домой, в 8 микрорайон – ехать всего ничего.

– Трёха! – Сказал таксист. – От любовницы свинтил? Или раскулачили?

– Пожертвовал голодающим Поволжья. – Сказал Витольд.

Торговаться не имело смысла. Прокатиться за три рубля на расстояние, равное пяти автобусным остановкам – это было даже весело.

– А сколько денег было с собой до того, как? – Поинтересовался сухо таксист.

– На пару-тройку дней тебе хватило бы, чтобы возить меня с утра до ночи. – Сказал Витольд, чтобы не затягивать разговор. Ему тошно было и без того.

– Хорошо живём. – Сказал таксист.

– Хорошо. – Сказал Витольд.

Домчавшись до пятиэтажки, где жила гражданская жена Витольда с экзотическим для СССР именем Ханна, таксист, поразмыслив секунду, отправился вместе с пассажиром, чтобы гарантированно забрать свою трёху. Может, и обещанные чаевые ещё перепадут.

На часах был второй час ночи.

Ханна – в чём мать родила, если не считать прозрачный пеньюар! – открыла дверь сразу, будто стояла и ждала, когда нажмут кнопку звонка. И тут же захлопнула её.

Таксист озадаченно посмотрел на Витольда, стоявшего рядом с ним при всём параде: в трусах и носках. И опять надавил на звонок.

Дверь мгновенно открылась и Ханна лениво сказала:

– Откуда попёрли – туда и катись.

Таксист, улыбаясь, закурил сигарету и сел на ступеньку лестницы.

Через час, в течение которого Витольд через дверь безуспешно пытался объяснить с женой относительно своего вида и позднего появления, таксист сказал:

– С тебя уже пятёра!

– Я отдам тебе чирик, – сказал Витольд, – если домой попаду.

Так как таксист уже в мельчайших подробностях знал, что произошло у «Салюта», он взял инициативу на себя: очень ему хотелось получить свои десять рублей – клиентов в это время всё одно – ноль.

Ещё через полчаса весь подъезд знал о злосчастье Витольда. Все, кроме Ханны. Поскольку дверь она больше не открыла и за дверью – судя по всему! – её не было, а, значит, ничего услышать она не могла. Зато поочерёдно открывались соседские двери и поочерёдно бодрствующие соседи грозились вызвать милицию, если ор не прекратится.

– Видно, брат, на плохом счету ты у жены. – Сказал таксист. – Видно, это не первый твой залёт.

– Первый, последний – какая разница?

Витольду зябковато было стоять в носках на бетонном полу, поэтому он подтанцовывал с ноги на ногу: музыкашки, разве что, сейчас не хватало, всё было бы теплее.

Неожиданно дверь распахнулась.

По лицу Ханны нельзя было сказать: или она прониклась правдивостью алиби Витольда? или она попросту сменила гнев на милость?

– Заходи. – Сказала она сквозь зубы...

* * *

«Стакан вина и честный друг. Чего ж ещё нам братцы? Пускай забота и недуг в грядущей тьме таятся». Роберт Бёрнс.

Допив второй стакан молочного коктейля в закуску с рогаликами и красочным повествованием НЕКТО о Витольде, троица мальчишек выпорхнула на главный проспект Алма-Аты и, лавируя между автомобилями, перебежками вернулась на троллейбусную остановку, где они вышли десятью минутами раньше.

– Куда? – Сказал ВСЁ.

– В никуда. – Сказал НИКТО.

Скоро подкатил №6 и они вновь устроились на задней площадке троллейбуса, чтобы доехать до ТЮЗа, потом спуститься по ул. Коммунистической до ул. Кирова, повернуть направо и через 200 метров слева от них должно было образоваться кафе «Акку», на перекрестке с ул. Панфилова.

Почему они двинулись в «Акку»? Никто из них раньше не бывал там, но все были наслышаны, что там, на летней террасе, отдыхает алма-атинский бомонд. Там запросто можно было вживую увидеть Ермека Серкебаева и Олжаса Сулейменова. Ходили слухи, что туда стекаются лучшие девчонки города. Самые джинсово-модные. И самые доступные.

Увидев впервые собственными глазами «Аккушку», они ахнули: всё соответствовало слухам. Вероятно, там точно были и Сулейменов с Серкебаевым. Только вот: не знали они их, великого казахского поэта и великого певца, в лицо. Согласившись между собой, что это беда небольшая, они изучили меню элитного заведения на открытом воздухе и поняли – их карманные капиталы никак не тянут на шампанское. А шампанского очень хотелось. Бутылки с игристым красовались почти на каждом столике.

– Может, нам что-нибудь прикупить в магазине и с прикупленным вернуться сюда? – Сказал НЕКТО. В части «прикупить» он был дока. А НИКТО и ВСЁ – полные лопухи

Так и решили: прикупить. Проследовав по обратному маршруту до ТЮЗа, они по подземному переходу прошли под ул. Коммунистической и очутились в ЦГ²².

– «Талас»? – Сказал НЕКТО.

«Талас» был знаменитым портвейном у пьяниц, у возможных кандидатов в пьяницы, а также у студентов и других вполне добропорядочных комсомольцев. НИКТО, НЕКТО и ВСЁ были комсомольцами. На портвейн денег у них хватало. Но в обрез. Однако тогда не на что было бы купить даже мороженое в «Аккушке». Выход из безвыходного положения нашёл НЕКТО:

²² Центральный гастроном в Алма-Ате.

- «Иссыкское»?
- Говорят – кисляк редкий. – Сказал ВСЁ.
- Зато меткий!

Они купили бутылку белого сухого стоимостью 98 копеек. А по пути в «Акку» взяли напрокат – только попользоваться! – гранёный стакан из автомата газированной воды.

- Воровство – не наш стиль. – Сказал ВСЁ.
- Согласен. – Сказал НИКТО.

Оставшихся денег им как раз хватало и на кофе, и на мороженое.

– Надо было хоть сырок прикупить в ЦГ. – Хлопнул себя по лбу НЕКТО.

– Тот, что за 19 копеек? – Сказал ВСЁ.

– Тот самый.

– «Дружба»? – Сказал НИКТО.

– А без издёвок – никак? – Сказал НЕКТО.

– Без «Дружбы» нам никак! – Сказал ВСЁ. И тут же добавил, – да, расслабься ты.

Шутка.

– В моём обществе я попрошу большие так не выражаться! – По-шутейному парировал НЕКТО.

В «Акку» бурлила своя, особая жизнь: жизнь вечного праздника. Это за пределами кафешки – серые будни и серые лица несчастных людей. Здесь всё было ярко, всё было пропитано счастьем.

– А, правда, что в этом водоёме жили два лебедя? – Сказал НИКТО.

Около «Акку», почти вплотную со столиками, в тени плачущих ив был водоём с застоявшейся, мутной водой, где дрейфовали пробки от шампанского, огрызки яблок и другой плавающий мусор.

– Правда. – Сказал ВСЁ. – Здесь жили два лебедя. Раньше. Они были совсем ручными. Мамаши с детьми специально приходили сюда, чтобы покормить их. И, вообще, эти лебеди были достопримечательностью Алма-Аты. Потом одного из них убили. Понятно: время у нас голодное, есть нечего. Приготовили жаркое – насытились... Вторая лебедь, оставшись в одиночестве, через какой-то срок тоже погибла. Нет, её (его) не поджарили. Она (он) покинула сей мир по причине как раз того самого одиночества: в лебединой паре, если погибает один – вскоре погибает и другой. «Вечерняя Алма-Ата» писала об этом. Я сам читал.

– Судя по всему, – сказал НИКТО, – это не сильно подмочило репутацию «Аккушки».

НЕКТО занимали более прагматичные вопросы:

– А где бы нам присесть? – Сказал он. – Вот в чём вопрос, как любил говаривать Вильям, незабвенный наш Шекспир.

Они устроились в самом дальнем углу кафе, чтобы можно было втихаря разливать под столом «Иссыкское»: застучают – докажи потом, что ты не верблюд, а самый верный партии Ленина (и Леннона!) комсомолец. А здесь, в углу, не должны были застучать.

Сделав глоток турецкого кофе и томно, рассеянно и лениво оглядев почтенную публику, НЕКТО продолжил повествование о зловключениях своего братца...

В результате двух весёлых часов, потраченных на весёлого клиента, таксист получил обещанный червонец, а Витольд, после попадания домой, получил взбучку, не обещанную, но очень-очень предполагаемую.

– За что? – Сказал он.

– Было бы за что, – сказала Ханна, – вообще, убила бы.

Что она могла подумать, увидев супруга в столь привлекательном виде? Понятно что: так заканчиваются классические походы понятно к кому, когда входят через дверь, а уходят – по понятным причинам! – через окно или балкон. Причём, уходят спешно, дабы не навредить

безупречной репутации понятно кого, а у «понятно кого» – как часто выясняется в самый последний момент! – ревнивец-муж, возвратившийся домой не вовремя.

Однако оставалась ещё одна проблема. Не менее актуальная.

Шут с ними – с заграничными тряпками, которые достались бандюганам. Хотя и это обстоятельство не оставляло сладкого послевкусия: пятьсот-шестьсот рубликов на дороге не валяются. Но главное – «Гибсон», купленный накануне на деньги, которые у них были и ещё на те, которые пришлось перехватить у друзей и которые – в любом случае! – придётся отдавать.

Витольд, по-прежнему в одних трусах и носках, и Ханна, по-прежнему в одном пеньюаре, сидели на кухне. На столе стояла початая бутылка «Плиски». Коньяк не пьянил и не бодрил. Он пился, как вода.

Ситуация получалась потешной до невозможности. Наутро можно было пойти в милицию и написать заявление, изложив всё, как было. И у славной милиции возникло бы два логичных вопроса: 1. откуда деньги Зин на такой скромный инструмент? 2. в каком-таком магазине «Культтоваров» он был куплен?

Витольд и Ханна выпили ещё по одной рюмочке и отправились спать: правильные ответы на правильные вопросы никак не находились сами собой.

Утро ночи мудренее. Это было очевидно.

Очевидным было и то, что следующий вечер в «Салюте» никто не отменял.

Слух о занятом происшествии с Витольдом молниеносно распространился среди персонала кафе. И не только среди персонала. Завсегдатаи тоже – не без удовольствия! – мусолили его.

Не обошла стороной новость и столик, где заседали местные уголовники.

Через пару дней в «Салют» пришёл вежливый паренёк с «Гибсоном» в руке. Кроме гитары, он принёс аккуратно сложенный джинсовый костюм Витольда, гэдээровские туфли и портмоне, из которого не пропало ни копейки...

Когда прогремел последний сокрушительный аккорд в симфо-рассказе о Витольде, НЕКТО сиял, как медный таз.

– То, что невозможно было сделать с помощью ментуры, которая нас, типа, бережёт, – сказал ВСЁ, – на раз-два было сделано воровскими авторитетами. Так, что ли?

– Получается, что так. – Сказал НЕКТО.

– Хороша справедливость. – Сказал НИКТО.

– Ты совсем ку-ку? – Сказал НЕКТО. – Да, причём здесь справедливость? Дело в музыке. Музыка – это сила!

Было видно, что НЕКТО горд своей причастностью к истории с возвращением «Гибсона». Он был горд своей причастностью к брату Витольду. Он был горд своей причастностью к известности Витольда и к музыке, которую брат играл в кафе «Салют» и которая очаровывала посетителей (и не меньше – посетительниц!) франтового заведения.

Короче, НЕКТО выглядел не просто гордым. Он выглядел очень гордым. И очень по душе ему было находиться сейчас в «Аккушке» среди не по возрасту чопорных завсегдатаев, ведущих умные беседы о зловещих брежневских временах и о сладких свободах, которые быют ключом там, за железным занавесом. Он ощущал себя неотъемлемой частью антуража «Акку»: запаха дымящегося кофе, негромкой музыки, льющейся из акустических колонок, ароматов французских духов, исходящих от недоступных и доступных дам за соседними столиками.

– Мы говорим «НЕКТО» – подразумеваем «Акку»! – Прорекламовал ВСЁ. – Мы говорим «Акку» – подразумеваем «НЕКТО»!

– На Маяковского похоже.

– И что в этом плохого? – Пожрал плечами в недоумении НЕКТО.

– Ничего плохого. А что – хорошего? – Спросил НИКТО.
Меньше, чем НЕКТО, нравилось находиться здесь ВСЁ:
– Ненастоящее всё здесь какое-то. – Сказал он.
И совсем не нравилось быть здесь НИКТО:
– Уровень интеллигентности здесь сильно зашкаливает. – Сказал он.
– И что в этом плохого? – Сказал НЕКТО.
– А что хорошего?..
Тема «интеллигентности» развития не получила. Пока.

Несколько конфузливо НЕКТО было лишь от того, что все кругом вальяжно пили шампанское, а они припёрлись сюда с «Иссыкским», которое стояло под столом. С одной стороны, ему не хотелось и прикасаться к нему, с другой – хотелось пить, как пили все. И делать вид, что в его бокале – настоящее шампанское! А не какая-то дешёвка за 98 копеек.

Менее хотелось пить ВСЁ.

Совсем не хотелось пить НИКТО.

Тем не менее, НЕКТО взял инициативу на себя и быстро наполнил до краёв гранёный стакан вином.

– Ты просто профи по части разлива под столом. – Сказал НИКТО.

– А то?! – НЕКТО продолжал сиять, как медный таз.

НИКТО выпил треть стакана:

– Точно – это кисляк. – Сказал он.

– Сам ты – кисляк. – Сказал НЕКТО. – Пить не умеешь. Я тебя научу.

НЕКТО оказался дока не только по части прикупить и разлить под столом, но и по части питья за столом.

– Чтобы вкусно попользоваться сухим белым, – сказал он, – надо...

– Сырок «Дружба»? – Спросил ВСЁ.

НЕКТО перестал сиять.

– Баран. – Сказал он. – Закуска – важная составляющая любой выпивки. К сухому белому не помешало бы подать белое мясо или копченую рыбку. Можно – омары, креветки. Ветчина и сыр – тоже хорошо... А ещё после второго бокала вина надо немного подождать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.